

ПЕЛ КОС КАБЫР В ПРОЗЕ И НАУКЕ

...Иван начал понимать, что конец близок. Видимо, костлявая с косою уже рядом кружит. Хоть и послушался врачей, перебрался сюда, далеко от родной Коми земли-матушки, чтобы дышать морским соленым воздухом, да по всему видать – поздно.

Да... Всего-то тридцать годков. Немного хотя бы еще пожить. Ну хоть до 37, когда, говорят, литераторов России какой-то рок что ли настигает.

А сколько еще можно было бы успеть! И в экспедициях полазить, и бумаги помарать для души. Полазить по нехоженным дебрям Коми — ох как много их там! Неизведанного, неизученного...

Нет, не помогло ни южное солнце, ни соленое море. Поздно! Глубоко заползла болезнь. Как кашлянешь, до крови грудь разрывает. Легкие, видать, совсем сгорели, все равно что сгнивший шов расходится...

Опять же, с другой стороны, и к тридцати годкам кое-что да сделано. И здесь, на крымской земле – тоже. На станции будто бы дела пошли более ходко. Крым чуть не весь распознал, пехом обошел южное побережье. За не такой уж большой срок порядком статей накопал. Да и у женки Вали они стали более получаться. Дашь направление – не улавливает, на лету хватает. Будет геолог неплохой!

Теплая, каменистая земля Крыма... Олеиз, Кореиз, Кикиниз, Симеиз... В окрестностях Ялты все эти названия на какой-то “из”. Для коми морта “из” он и есть из, камень то есть. Правда, для геолога он что книга. “Из” – это не от греков ли еще держится, меняясь? Хотя едва ли, у них не “з”, глухое “с” больше. Видимо, все же это татарское уже, они давали селениям названия. Жаль, не лингвист, и не было времени хоть малость, но подзаняться сей наукой. Спрашивал вот местных, да как-то они сами не очень ясно объясняют, “что есть из”. Место жилья, говорят. Заселенная местность. Как-то бы точнее, чтоб поустойчивее в голове, узелком закрепилось, но не подберут никак такого слова...

Да ведь каждое наречие нечто лишь свое имеет: в своей среде слово точное и понятное до дна, а на иной язык переводить – один туман получается. Взять коми “горт”. Вильгорт, Важгорт. Что такое горт? Ну, насчет ящика, куда в последний раз укладывают, уже не по твоей воле, – это понятно. Гроб. А “горт” в другом смысле что значит... Умом

понимаешь, даже сердцем, но другому, некоми объясни! Не дом, не постройка, не село или деревня, а что-то. Горт! Гнездовье.

Ну да ладно, “лингвист”. У тебя и так времени-то с гулькин нос. Кõч бõж¹. Вот бы всемогущий дал годика два-три. Пусть только писать. Для детей-зырянят. Для себя – для души. И рассказчиков, и виршей.

Тут вот рядом, и не так давно, как кажется, всегда три десятка лет тому, собирались, оказывается, в этих Олейз-Кореизах столпы русской литературы. Съезжались чуть ли не на лето, чтоб здоровья на зиму понабрать, а главное, пообщаться да пописать. Тут и сам Лев Толстой, и Чехов, и Горький – вот его дача “Нюра” и Бунин, Леонид Андреев, Скиталец, и Шаляпин... Слава России. Эх, если бы!..

...Так весной 1933-го в Крыме медленно угасал от чахотки коми писатель Кос кабыр, тогда уже широко известный ученый-геолог Иван Ефимович Худяев, директор Ялтинской оползневой станции. Шел ему тридцать первый год.

Родился Иван Худяев 29 июня 1902 года в селе Вильгорт Усть-Сысольского уезда в крестьянской семье. Отец, Ефим Герасимович, умер рано, и его детям с юных лет пришлось самим зарабатывать на хлеб, во всем проявлять самостоятельность. Надо подчеркнуть, дети Ефима Худяева оказались тянущимися к знаниям, на редкость сообразительными и даже дружно талантливыми. Старшую дочь Александру, думается, в Коми Республике еще многие, особенно женщины, хорошо помнят: А.Е.Мишарина была ведущим гинекологом республики (ее муж А.И.Мишарин – еще более известный человек, хирург, Герой Социалистического Труда). Другая дочь, Анна, в замужестве Михеева, также была в республике человеком более чем просто видным. Она ряд лет возглавляла Министерство просвещения Коми АССР, была депутатом Верховного Совета РСФСР.

И вот такой брат, Ивану привелось привыкнуть к труду совсем юным. Зарабатывал то репетиторством с детьми богатых семей, то грузчиком. Окончил городское училище, учительскую семинарию (позже преобразована в трехгодичные педагогические курсы). Был назначен проректором и преподавателем литературы в КИНО (Коми институт народного образования). В 1922 году поступил на геологическое отделение физико-математического факультета Петроградского университета и в 1925-ом окончил его. Но и в эти годы Худяев был не

¹ Дословно – заячий хвост. Употребляется для выражения быстротечного, кратковременного периода времени, скажем, зимнего дня на севере: кõч бõж кузьга (долготой как заячий хвост).

только или не просто студентом. Он приехал в Питер не просто ради того, чтобы получить диплом. Профессора скоро убедились, что этот юноша – геолог от бога. Он сам организовал и проводил научную работу, читал лекции, был секретарем геолого-минералогического отделения, участвовал, а то и сам возглавлял дальние и близкие научные экспедиции.

В 1924 году (значит, точно еще студентом) проводит геологические изыскания в Азербайджане, в следующий – год окончания университета, привел экспедицию, чтобы комплексно изучить недра водораздела Вочь-Лопью и по всему течению, с верховьев и до устья, пройти бассейн Сысолы. Еще через год И.Худяев вновь “пролазит” по Сыsole, чтобы уже по заданию Геологического комитета СССР выявить месторождения железных руд и фосфоритов. Не одно лето изучал район среднего течения Вычегды. Интересно отметить, что литератор (поэт и прозаик), человек творческий, он эту черту проявляет во всем. И в словотворчестве. К примеру, Иван нашел “чисто коми” название фосфоритам. Из них же делают удобрения, и они получили от него название “куйод руда” (навозная руда). В 1928 году неутомимый ученый проделает очень долгий путь, поднимаясь вверх по Сыsole, выходя за пределы Коми в пермские земли и возвращаясь по бассейну Вычегды. Следующий сезон проводит за Уралом.

Мой разум отказывается понимать, когда все успел сделать Иван Худяев – Кос кабыр, как у него на все времени хватало. Но уже в 1927 году он как геолог-ученый защищает кандидатскую диссертацию. И без конца пишет и публикует популярные, на очень доступном языке, и научные статьи, появляющиеся в специальных журналах Ленинграда и Москвы. Он не считает лишним публиковать информации и краткие сообщения, дабы как-то быстрее привлечь внимание массового читателя, коренного населения к природным богатствам Коми. Вот у меня в руках подшивка журнала “Коми му” за 1926 год. Если даже ограничиться одним перечислением, думается, сегодняшнему читателю интересно узнать названия публикаций И.Е.Худяева:

номер 1–2 – “О значении торфяников”,

номер 3 – “О фосфоритных месторождениях в районе р.Сысолы,

номер 6 – “О месторождениях железистых красок в окрестностях с.Гам, Усть-Вымского уезда, области Коми (Краткий предварительный отчет об экскурсиях весной 1926 года”, “Зачатки дюнных образований около деревни Дандор, Палевицкой вол(ости)”,

номер 7 – “Белые и светлые глины по верхнему течению р. Сысолы”,

номер 8 – “О некоторых полезных ископаемых в районе реки Сысолы”.

Публикации, что называется, очевидно рассчитанные на неспециалиста, а то и на малограмотного читателя. В них как бы сказано: вот что есть рядом с вашим селом, за околицей, вот какие богатства лежат у вас прямо под ногами. Но у геолога Ивана Худяева громадные планы. Разумеется, преимущественно связанные с недрами родной области. Ее производственные мощности множить хочется. Уже в 1925 году И.Худяев просит денег, чтобы добираться к печорским углям и к ухтинской нефти, чтобы разведать запасы железной руды на юге области... 28 декабря 1925 года вчерашний студент предлагает президиуму облисполкома развернуть комплексные геологические работы по всей территории Коми. Президиум принимает постановление (а ученые предполагают, что проект – дело рук самого Худяева), где намечаются изыскательские работы по кажимским рудам, сысольским фосфоритам, по глинам окрестностей Гама, содержащим редкие краски, и т.д., а также добиваться финансирования центром разведки на уголь, нефть, руду. В документе отдельно предусмотрена программа подготовки научных кадров.

(Конечно, нельзя исключить, что к делу появления подобного постановления облисполкома причастен также другой местный коми геолог и горный инженер Иван Михайлович Попов (1893-1944?). Он был всесторонне образованным человеком – окончил три вуза! – хотя в геологии не столь, как Худяев, “академичен”. У него была, можно сказать, более прикладная специализация. И вместе с тем также имел литературную одаренность: И.М.Попов-то как раз и редактировал в одно время журнал “Коми му”. Был репрессирован, до сих пор точно не установлено, когда и где умер).

По перечисленным за год из одного лишь “Коми му” публикациям, говорить о геологе И.Е.Худяеве можно лишь весьма обще и приблизительно. Это ж всего-навсего его отдельные “предварительные отчеты” – краткие сообщения. Подлинно научные письменные труды его масштабны как по глубине и широте охвата проблематики, так и по своим объемам. Утверждаю это, основываясь на мнение известных геологов республики. Свои научно-поисковые работы Иван Ефимович не ограничивал Коми краем. Его вклад в геологию сделан в результате того, что объездил чуть ли не половину СССР. Геологическая же экспедиция – не “экскурсия”, как позволил себе выразиться Худяев один раз даже в названии публикации. Экскурсия – не гладенькие дороги и гостиницы... Да голодные годы, да плохая, вовсе не для полевого разведчика одежда, да непрерывная, без передышки работа, работа. Все это и, видимо, в конце концов обернулось для Ивана Ефимовича чахоткой.

В отрасли науки, мало или вовсе неведомой, приходится консультироваться с людьми знающими. Моими “консультантами” в данном случае стали известные в республике работники геологической науки Н.Н.Кузькокова (кстати, немало занимавшаяся поисками материалов об И.Е.Худяеве), М.В.Фишман, другие. Услышал то же удивление: когда и как он все успел?! Стать таким геологом за несколько лет?! М.Фишман читал студентам лекции и пользовался, в основном (впрочем, как и его слушатели), трудами Худяева. Изданная после его смерти, в 1936 году, в Москве и Ленинграде “Общая геологическая карта Европейской части СССР”, куда коми геолог внес неоценимую лепту, прямо-таки универсальна. В 1931 году отдельной брошюрой в Москве издана его научная работа о Сереговских соляных залежах, в том же году в издательстве “Геология” – книга “О радиороляриях в фосфоритах Сысольского района”, в 1932 – “Об определении возраста древних оползней южного берега Крыма”, через год – “Водные богатства недр земли на службу социалистическому строительству...” Геологам известны его письменные работы по результатам экспедиций в Костромскую, Оренбургскую и Пермскую губернии, на Кавказ, в бассейн Оби.

Музейные работники и Н.Н.Кузькокова в свое время устанавливали связи с сестрой нашего героя А.Е.Михеевой, на пенсии оказавшейся в Пятигорске. Анна Ефимовна помогла многое разузнать и уточнить о брате и его трудах. Нина Николаевна и ее коллеги загорелись было идеей собрать и издать отдельной книгой хотя бы наиболее значительные, необходимые труды И.Худяева по геологии; она взяла на себя инициативу, многое уже разыскала, составила конспект издания... Как всегда, хорошее начинание у нас умудрились зарубить. А список работ талантливейшего геолога, изданных только отдельными книгами или брошюрами и опубликованных в специальных журналах, составляет 2,5 страницы. В оценке некоторых сегодняшние коллеги затрудняются в подборе слов, ибо и нынче эти публикации вызывают восхищение. Насколько же он подробно, точно, педантично описал и разметил на картах все залежи и месторождения — где серный колчедан и марганец, где фосфорит и мергель, редкие глины и руда...

Часто бывает, что человек, которому судьбой предначертан короткий век, как бы заранее знает об этом. И торопит, торопит себя, спешит сделать главное дело своей жизни. Так и И.Худяев. Он не давал себе малейшей слабинки, работал без отдыха. И в тех условиях голода и холода, конечно же, самый могучий организм бы износился. 29-летнему ученому врачи скажут: хочешь продлить свой век – поезжай в Крым. “Поезжай” – оставляя родину!

Нам неизвестно, как он перебирался, как нашел работу. Но вскоре окажется на должности начальника оползневой станции и успеет своими двоими измерить и тщательно изучить южное побережье полуострова. И опять многое написать, управляя работой станции чуть ли не до последнего своего дня.

Уже после его смерти, в 1934 году, работники станции издадут сборник статей, посвященный памяти своего начальника. В книге его несколько научных работ, несколько – отредактированных его рукой, одна статья написана в соавторстве с В.К.Колотильщиковой – женой. Работы эти, понятно, о Крыме, его недрах, известняках, песчаниках, оползневых явлениях, о подземных водных источниках. Но одна статья, худяевская, – нет, не “крымская”. Она включена видимо, для того, чтобы в сборники как-то фигурировала родина Ивана: “Отчет о геологических и гидрогеологических исследованиях в районе Сереговского солеваренного завода летом 1928 года”. И к ней приложена такая подробная и точная карта, что, говорят ученые, пользоваться можно и сейчас.

Да, не дожить до 31 года и все-таки столько сделать... Удивительнее всего то, что в этой громадной научной работе как бы половина Худяева что ли. Он не весь в геологии, не сумел и не смог бы всего себя, свою богатую натуру полностью в ней реализовать. Другая половина Худяева имеет даже свое имя. Это Кос кабыр, один из известных в свое время, и ныне почти уже забытых коми поэтов, из тех, кто стоял также у колыбели коми прозы.

В свое время Илля Вась (В.И.Лыткин) сделал доклад, а затем его опубликовал, еще в 1923 году, в виде статьи – “Рождение коми поэзии”. Когда автор пишет о Василии Молодцове и поименно называет тех молодых литераторов, которых объединил его литкружок в Сыктывкарской учительской семинарии, среди других, наиболее известных, упоминает и Худяева. Позже в статье “Первое объединение коми писателей” (она переделана также из доклада) Илля Вась вновь добрым словом упоминает В.А.Молодцова и возглавляемую им “Коми комиссию”, сыгравшую огромную роль в зарождении и становлении новой коми литературы. И тут тоже, в числе немногих, называется вильгортский юноша: “Почитать свои произведения в комиссию приходили Попов Вась Педёр², Жугыль (Н.П.Попов), Кос кабыр (И.Е.Худяев)...” О нем можно было бы сказать и как об актере савинского Сыкомтевчука – успел поучаствовать и в этой труппе.

² Федор Васильевич Попов (1899-1922), талантливый коми поэт, также жертва чехотки.

Многое успел Кос кабыр потому, что очень рано повзрослел, юным взялся за взрослые дела. Едва ли сейчас удастся найти его пьесы, но, оказывается, писал и пьесы, будучи еще школьником. Мы их разыгрывали на сельской сцене, – сообщала из Пятигорска сестра Анна в 1972 году. Он с детства взялся за литературу.

А почему – Кос кабыр? “Оказывается, в нашем селе Вильгорт нашего деда называли “Симё Ярё – кос кулак³ (наш дед был Герасим)”. Потому и брат выбрал для своего литературного имени этот “кос кулак”, несколько “смягчив” его переводом второго слова на коми. Вот и получился “Кос кабыр”.

У И.Худяева очень рано проявился талант не только литературный, но и руководителя. Отметим: в 1922 году ему всего двадцать лет а он – проректор института. В тот же год выходит малюсенький альманах “Парма ёль” (Лесной ручей). Надо полагать, далеко не каждый желающий попал на его страницы, даже из более именитых авторов. А публикация “кабыра” есть! Непросто определить, что за жанр у нее. Разговор ведется о коми фольклоре, о его идейном и художественном богатстве и разнообразии, о необходимости учить в школах и глубоко знать родной язык... Статья? Вне сомнения. Но смущает объем. Она занимает... полстранички малюсенького журнальчика.

Поразительная емкость! Вот уж где словам тесно, мыслям свободно. Как звучен язык Ивана Худяева, насколько он чист и своеобразен! У него совершенно неповторимо индивидуальное видение и тонкое чувство к изобразительным возможностям родного языка, к его гибкости, музыкальности. У него удивительный слух к северной природе поразительное ее чувство. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать рассказ “Олём гаж” (Радость жизни) – он опубликован в журнале “Ордым” в 1927 году. И не первому, и не о первом мастере слова приходится говорить, что все эти художественные прелести, все красоты стилистические и языковые никак не передать (во всяком случае далеко не полностью передаются) при переложении на другой язык – у того уже свои, вовсе иные прелести и законы. По всему видно, по прочтении “Олём гаж”, в обзоре “Мый сетё “Ордым” (Что публикует “Ордым”) у Марии Йоль вырвалось: “Кос кабыр, видимо, забросил стихи – поет прозой” (выделено мной – Г.Б.). Да, его лирические рассказы и миниатюры в прозе называли и сравнимые с песней. Они стоят этого: в коми прозу он как никто другой (за исключением, может, Вениамина Чисталева) привнес именно нечто песенное и в то же время естественное для коми языка и

³ Герасим Семенович – сухой кулак.

севера. В слогe Кос кабыра – музыка о родном крае, о природе, шепот-сказка о мягком, еле уловимом теплом ветерке, грохот и сверкание содрогающей воздух и землю грозы. А ведь национальная проза только лишь зарождалась, и как тогда важно было показать именно в ней возможности родного языка.

К сожалению, разбросанные в старых газетах и журналах стихи и проза Кос кабыра – жемчужинки коми литературы, недоступны сегодня массовому читателю.

Своим пером и всеми своими помыслами И.Е.Худяев, помимо геологии-науки, старался прежде всего для коми школы, для младшеклассников. Он – опять хочется воскликнуть: когда успел! – но успел написать и издать (в 1926 году в Центриздате народов СССР) для них две книги, “Ывла выв тӧдмалӧм” (Изучение природы, или ознакомление с ней) и “Му выв тӧдмалӧм. Арся уджъяс” (Ознакомление с землей. Осенние работы).

Мечта об обновлении и очищении жизни двигала Иваном Худяевым, он весь в будущем. Должно быть, потому так любил описывать трудно поддающееся этому – ветер, дождь, грозу, сам процесс труда (но – труда на себя).

“Жду... вот... Сердце стучит, тикает, что-то предчувствует, чего-то страшится, прыгает в груди... Свистнуло громко, дунуло напором, в полсилы трягнуло лес. Громыкнуло в дали, трягнуло, крепче второй раз, заволновало сердце; заволновало – колыхнуло лес, качнуло вниз. Пошло, пошло, пошло! Прыгает от радости, не угомонится кровь, обжигает сердце мое”.

* * *

Всего за несколько лет Иван Ефимович Худяев, крестьянский сын, сумел стать крупным ученым-геологом. Сумел, успел, многое сделал, хотя еще больше – не успел: времени ему отмерено было жестоко скупо.

Почему стал именно геологом? Кто-то напутствовал? Сам выбрал этот путь, поняв, что скоро надо будет разведывать и добывать богатства недр Коми? Пусть так. Мы сейчас можем сказать, что это был щедро одаренный человек. На все способный. Полностью отдающийся делу.

Думается, Кос кабыр мог бы стать большим писателем. Приходится лишь сожалеть, что в литературе он еще меньше прожил.

Он умер в Крыму 8 мая 1933 года, не дожив до тридцати одного. Похоронен недалеко от Ялты, на кладбище селения Кикинизи.

Геологи республики помнят Ивана Худяева. Ссылаются на его авторитет, на его труды, пользуются ими.

Пусть свое место займет и Кос кабыр – пистель. Кто может по-коми, пусть прочитает хотя бы его рассказ “Олан гаж” – “Радость жизни”. Через 70 лет он перепечатан в журнале “Войвыв кодзув (1997, №5). Каждый увидит, что Худяев Кос кабыр пел в прозе.

Радостью жизни для него был труд. Труд от души, с полной отдачей и без усталости.

Точно знал, что ему отпущено мало времени. Спешил, торопился, и не помышлял даже об отдыхе.

Мало успел...

И как много сделал!